

Разделение территории Киевской Руси на удельные княжества не только не прекратило распри, раздиравшие династию Рюриковичей, а, напротив, усугубило их, обострив вражду даже между представителями одного и того же княжеского дома.

Поскольку ветви династии — черниговская, переяславльская, суздальская и другие — интенсивно разрастались, как следствие происходило деление уделов на более мелкие вотчинные владения [1], а их территории становились все более полицентричными, вождельной целью князей оставался киевский стол. Он имел статус общего достоинства всего клана, и ожесточенная борьба за него, сопровождавшаяся кровавыми военными столкновениями, продолжалась практически беспрерывно, начиная с 1132 г. — года смерти сына Владимира Мономаха, киевского князя Мстислава Великого. Основными претендентами на то, чтобы стать его преемниками, выступали младшие сыновья Владимира Мономаха, среди которых особенно выделялись Юрий Долгорукий, сын Мстислава Владимировича — Изяслав, сидевший во Владимире-Волынском, и Ростислав, занимавший стол в Смоленске, и представитель черниговского дома, сын Олега Святославича — Всеволод [2]. По подсчетам историков, примерно за 30 лет на киевском столе перебивало восемь князей и произошло 12 переворотов [3].

В первой половине XII в. киевский стол был не просто почетным «призом», который получал «старейший» из князей, — он представлял ему мощные средства влиять на общерусские дела, в том числе и перемещать князей «со стола на стол», контролировать второй по значимости и могуществу город Руси — Новгород. Последнее обстоятельство приобрело особое значение после событий 1136 г., когда новгородцы прогнали князя Всеволода Мстиславича и установили новые, республиканские, формы правления, оговорив право самим «звать» к себе князей [4].

Центростремительная («киевцентристская») тенденция, связанная с намерениями князей во что бы то ни стало овладеть киевским столом, определяла основные направления политической, общественной и даже церковной жизни того времени. Против княжеских междоусобиц открыто выступает митрополит Михаил. В 1136 г. он способствовал примирению киевского великого князя Ярополка Владимировича и претендента на великокняжеский стол представителя черниговского княжеского дома Всеволода Ольговича, то же повторилось в 1140 г., когда на киевском княжении краткое время находился еще один сын Владимира Мономаха — Вячеслав Владимирович. Но в 1145 г. из-за

непрекращающихся княжеских распр митрополит покинул Киев и даже «затворил» Софийский собор, т. е. запретил служение в нем. Вплоть до 1147 г. митрополичья кафедра оставалась «вдовствующей». И только в 1147 г. под сильным давлением владимировольнского князя Изяслава Мстиславича, занявшего после смерти Всеволода Ольговича киевский стол, собор русских епископов без согласования с константинопольским патриархом избрал митрополитом его ставленника Климента Смолятича. Для того чтобы не возникало сомнения в легитимности этой акции, Климент благословили мощами его небесного патрона святого папы Климента, хранившимися в Десятинной церкви. Однако против этой кандидатуры и самого порядка избрания нового главы Киевской митрополии выступили новгородский архиепископ Нифонт и смоленский епископ Мануил [5].

Попытки представителей разных княжеских «домов» использовать авторитет Церкви в политической борьбе, в том числе и для поддержания областных интересов, имели место и в дальнейшем. Смута на митрополичьей кафедре завершается только в начале 1160-х гг.

Наряду и одновременно с участием в борьбе за Киев князья продолжали интенсивно обустривать свои «отчины». В Ростово-Суздальской земле этим занимается Юрий Долгорукий [6]; в Галичской земле — Владимирко Володаревич [ил. 12] и Ярослав Владимирович, ставшие одними из наиболее влиятельных политических деятелей того времени; в Чернигове — наследники Давида Ольговича и Святослава Ольговича; в Смоленске — Ростислав Мстиславич.

Во второй четверти XII в. практически во всех регионах Руси активно развивалось каменное строительство. Судя по летописным сведениям, только в Киеве в это время были построены и заложены три больших храма — собор Федоровского монастыря (между 1129–1133 гг.), церковь Успения на Подоле, известная как Пирогощая (между 1131–1136 гг.), и Кирилловская церковь, заложенная около 1140 г. князем Всеволодом Ольговичем. В 1144 г. он же заложил и церковь Георгия в Каневе, входившем в Киевское княжество. В Новгороде в те же годы возводятся: трапезная Антониева монастыря (1127) [7], большие церкви Иоанна Предтечи на Опоках (1127–1130) [8] и Успения на Торгу

12 Примирение киевского князя Всеволода Ольговича с галичским князем Владимиром в 1144 г. Владимир дает Всеволоду выкуп за города Ушицу и Микулин. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. БАН. Л. 174 об.

[1] Так, Черниговская земля в 1127 г. была поделена между потомками Святослава Ярославича на собственно черниговские владения, доставшиеся сыновьям Давида и Олега Святославичей, и Муромское княжество, доставшееся Ярославу Святославичу. Позже из него выделилось Рязанское княжество, перешедшее под власть Ростислава Ярославича. Галичской землей, в состав которой вошли при Владимире Володаревиче (1124–1153) первоначально самостоятельные Перемышль и Теребовль, владели потомки Ростислава Владимировича, старшего внука Ярослава Мудрого. Смоленская земля закрепилась за потомками Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха, а Волынская земля перешла во владение Изяслава Мстиславича. В Ростово-Суздальской земле княжили Юрий Долгорукий, а затем его сыновья. Переяславль оставался общим достоянием разных ветвей семейства Владимира Мономаха. Турово-Пинским княжеством владели потомки Святополка Изяславича. В Полоцк из Византии в 1140 г. возвратились князья из рода Всеслава, изгнанные из своей «отчины» Мстиславом Великим в 1130 г.: «Поточий Мстиславъ полотъский князе с женами и с детми в Греку, еже преступиша хрестъное челоование». (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 293).

[2] Умирая, Мстислав оставил стол не сыну Всеволоду, а брату Ярополку.

После смерти последнего в 1138 г. его сменяет младший брат — Вячеслав, которого вскоре вынуждают «сойти со стола» черниговские «Ольговичи» — Всеволод Ольгович и его братья (ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 294, 301).

[3] Грушевский, 1891.

[4] Янин, 1962. С. 63.

[5] Приселков, 2003. С. 206–208, 210, 211.

[6] В 1148 г. Юрий Долгорукий ненадолго занимает киевский стол, который он был вынужден уступить главному противнику — своему племяннику Изяславу Мстиславичу. Во второй раз он сел на киевский стол в 1155 г., отгнав его у Ростис-

12

слава Мстиславича. Но его пребывание в Киеве длилось всего два года. В 1157 г. Юрий умер, и киевское княжение вновь вернулось в руки Ростислава Мстиславича (Насонов, 1951. С. 183 и сл.; Кучкин, 1984. С. 72 и сл.).
 [7] НПЛ. 1950. С. 206.
 [8] Там же.
 [9] Там же. С. 208.
 [10] Там же. Церковь Саввы Освященного «в Савине улице», о которой, как о каменной, Новгородская третья летопись сообщает под 1153/1154 г. (Новгородская третья летопись, 1878. С. 215), скорее всего, первоначально была деревянной (Иоаннисян, 2008/4. С. 628).
 [11] Камеч, 1993. С. 43–66, 103–111; Булкин, 1993. С. 7–12; Булкин, 1996/2. С. 97–99; Булкин, 2002. С. 270–288; Белецкий С., 1996. С. 100–109; Новоселов, 2001/2. С. 38–40; Новоселов, 2002/1. С. 30–50, 101–106, 182–183; Иоаннисян,

2008/3. С. 9–22; Алферова, 1958. С. 3–32; Мильчик, Штендер, 1988. С. 88–94; Седов Вл., 1992. С. 9–17.
 [12] Бранденбург, 1896; Гусева, Иоаннисян, Стеценко, 1982. С. 70–74; Большаков, Раппопорт, 1985. С. 111–116; Соленикова, 1994. С. 235–239; Васильев, 1995. С. 67–75; Гусева, Воинова, 1995. С. 75–80; Прудников, 1995. С. 132–142; Лалазаров, 2002/2. С. 297–312; Мильчик, 2002. С. 290–295; Сарабьянов, Васильев, Лалазаров, Рождественская, 2002; Мачинский, 2003. С. 228–252.
 [13] В Полоцке в первой половине и середине XII в. строятся Большой собор и Борисоглебская церковь в Бельничком монастыре, а также храм-усыпальница и Спаская церковь в Евфросиниевом монастыре. К тому же времени, видимо, относится и строительство Благовещенской церкви

в Витебске. В Галичской земле храмы возводятся в Перемышле (церковь Иоанна, первая треть XII в.), Звенигороде (церковь, 1120–1130-е гг.; дворец, до 1144 г.) и в самом Галиче (церковь Спаса, около 1152 г.); на Волыни — Успенский собор во Владимире (1150-е гг.). Этот список может быть продолжен за счет памятников Чернигова, Переяславльской земли, Смоленска, Турова, Новогрудка, Гродно, Волковыска, Рязани, Переславля-Залесского, Суздаля (церковь Бориса и Глеба в Кидекше), Владимира Залесского, Юрьева-Польского. См.: Раппопорт, 1982.
 [14] См. раздел «Архитектура» в первой части настоящего изд.
 [15] Раппопорт, 1993. С. 246–262; Франклини, Шенард, 2000. С. 504.
 [16] Dejevsky, 1984. P. 206–223.

(1135–1136) [9]. Каменной, скорее всего, была церковь Николы на Яковлевой улице (1135) [10]. Новгородская артель ведет строительство в Пскове [11] и Ладого [12]. Ту же картину мы наблюдаем и в центрах других земель и княжеств [13].

Хотя число артелей строителей в рассматриваемый период увеличивается, однако они все еще не многочисленны и по-прежнему находятся в прямой зависимости от князя или епископа. Сохраняется практика, в соответствии с которой князь, переходивший с одного стола на другой, менявший место своего пребывания, мог увести с собой всю артель или часть ее. Нередко князья, сидевшие в старейших городах, где уже сформировались свои артели, присылали зодчих и мастеров к князьям-союзникам. Так, по просьбе Юрия Долгорукого его родственник и союзник галичский князь Владимирко Володаревич присылает ему часть своей артели, которая приносит в Ростово-Суздальскую землю традицию белокаменного зодчества. В Полоцк после изгнания отсюда в 1109 г. князя Глеба Всеславича по воле Мстислава Великого приходит артель киевских мастеров. Новгородская артель, до 1136 г. находившаяся в распоряжении князя, а затем перешедшая под патронаж архиепископа Нифонта, в 1140–1150-х гг. работает в Пскове и Ладого.

Настоящими «законодателями» в архитектуре выступают черниговские зодчие, воздвигнувшие храмы не только в собственно Черниговской земле, но и в Киеве, Каневе, Смоленске, Путивле, Владимире-Волынском, Рязани и других городах. В первой половине XII в. они оказывали влияние даже на храмоздательство в далеком Новгороде [14]. Если в XI в. на территории Руси над возведением каменных храмов по заказу правящего княжеского рода работали от силы две артели строителей, здания строились не одновременно, а одно за другим (примерно 25 церквей в пяти городах), то в 1150 г. в разных местах одновременно работало не менее четырех артелей. К этому времени в 18 разных городах было возведено не менее 50 новых храмов [15].

Вплоть до начала 1120-х гг. определяющее влияние на развитие искусства и зодчества оказывали княжеский заказ и вкусы княжеско-дружинной среды. Но уже во второй четверти века расширяется круг заказчиков, которые возводят храмы разных типов, в их облике начинают давать о себе знать новые архитектурные идеи и стилистические тенденции. В Новгороде после изгнания в 1137 г. князя Всеволода Мстиславича инициатива в строительстве переходит в руки епископа, купцов и местной знати [16]. Наряду с продолжающейся традицией возведения родовых княжеских монастырей, к каковым отно-

13

14

13 Благовещение. Вислая печать новгородского князя Всеволода Мстиславича. 1117–1136 гг. Лицевая сторона. НГОМЗ
14 Св. Федор. Вислая печать новгородского князя Всеволода Мстиславича. 1117–1136 гг. Обратная сторона. НГОМЗ

сятся, например, Федоровский монастырь в Киеве, основанный князем Мстиславом Великим в 1129 г. [17] [ил. 13, 14], и Пантелеймонов монастырь в Новгороде, основанный около 1134 г. его сыном, князем Изяславом Мстиславичем [18], распространяется практика строительства обителей миссионерских, развивавших традицию Киево-Печерского монастыря и монастыря Рождества Богоматери в Новгороде, созданного в первой четверти XII в. Антонием Римлянином. К таковым, безусловно, относится Спасский Мирожский монастырь в Пскове, начало деятельности которого было инициировано, как считалось до последнего времени, новгородским архиепископом Нифонтом в 1130-е гг. [19] Наряду с крупными соборными городскими и монастырскими храмами возводятся церкви на торговых площадях в центре посадов, к числу которых, например, относятся церковь Богородицы Пирогощей на посаде в Киеве и церковь Успения Богоматери на Торгу в Новгороде. Относительно небольшие церкви строятся во вновь основанных городах-крепостях, таких как Переславль-Залесский, и в княжеских резиденциях, подобных Кидекше близ Суздаля.

В зависимости от положения заказчиков и требований заказа храмы, даже возведенные одной артелью, различаются размерами, особенностями плановой структуры, характером декора. Эстетическую выразительность архитектуры все в большей мере начинает определять аскетическая монашеская идеология. Ее влияние на сознание основной массы населения возрастает по мере увеличения числа церковных приходов и монастырей в интенсивно растущих старых и во вновь основанных городах, в посе-

лениях на колонизируемых землях Севера [20]. Общая тенденция времени сказывается в уменьшении, по сравнению с предыдущим периодом, объемов построек, в сложении сокращенного типа храма — одноглавого и четырехстолпного и, конечно, в усилении черт аскетической строгости, даже суровости, что нашло отражение и в характере используемых материалов, и в декоре. Ярким примером такой постройки может служить собор Иоанновского монастыря в Пскове, построенный, скорее всего, в 1130-х гг. [ил. 15]

Однако не меньшее влияние на принципы формообразования, дающие о себе знать в зодчестве того времени, оказывали соображения не только эстетического и идеологического, как это было в архитектуре начала столетия, но и сугубо практического, функционального характера. Поиск наиболее эффективных и одновременно простых конструктивных решений в условиях разрастающихся масштабов строительства можно назвать среди важнейших направлений в деятельности зодчих того времени. Это же обстоятельство стало одной из причин, способствовавших широкому усвоению форм и приемов романской архитектуры, что нашло наглядное воплощение в постройках Чернигова, Киева, Смоленска, Галича, храмах Ростово-Суздальской земли. Черты функциональной целесообразности и типологической определенности проявляются в унификации форм, конструктивных и технических приемов и непосредственно влияют на их эстетическую выразительность.

В самом построении композиций зданий самых разных типов зодчие последовательно придерживались принципов пластической артикулированности каждой структурной

[17] ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 293. Лаврентьевская летопись дает иной год основания монастыря — 1128 (ПСРЛ. Т. 1. 1997. Стб. 299).

[18] Янин, 1977. С. 77.

[19] По мнению Т.В. Кругловой, основателем монастыря был предшественник Нифонта Иоанн Попьян, «сведенный» с новгородской епископской кафедры (Круглова, 1997. С. 34–45; № 8. С. 40–45; Круглова, 2008. С. 23–36).

[20] Как отмечают историки Русской церкви, в Вологде и Устюге, районах новгородской колонизации, в XII в., безусловно, уже были села с церквями. (Карташев, 1993. Т. 1. С. 154).

части архитектурного организма, особой ориентации пространственных ячеек и подчеркнутого различения их размеров и выделения границ, при безусловном соподчинении частей целому. Здесь наглядными примерами могут служить и упомянутый Спасский собор Мирожского монастыря [21], и Спасский собор Евфросиниева монастыря в Полоцке, построенный в 1150-е гг.

В зодчестве второй четверти столетия дает о себе знать и новый способ «позиционирования» создаваемых сооружений по отношению к окружающему пространству. В отличие от храмов предшествующей поры, они уже не поражают монументальностью и репрезентативностью, не доминируют над окружающим пространством, а встраиваются в него. Если памятники XI – начала XII в. создавали структурную основу заново творимого мира христианской Руси, внося в него новые смыслы и значения, то каждое творение зодчих 1130–1150-х гг. создавало в уже существующем пейзаже новую и всякий раз особую культурную среду – княжескую, монастырскую, городскую. И в этом смысле их значение можно было бы определить как «культурообразующее».

Усвоение заимствуемых технических и технологических приемов способствовало появлению местных строительных кадров, объединявшихся в «дружины», или артели, и в конечном счете формированию локальных архитектурных традиций – галичской, полоцкой, новгородской, смоленской и др. Однако появление «своих» мастеров не означало, что на Русь перестали приходить зодчие и артели строителей из других стран. В той или иной мере их присутствие, их прямое или косвенное влияние проявляется в технике строительства, объемно-плановых особенностях возводимых зданий. В строительстве Спасского собора Мирожского монастыря и Благовещенской церкви в Витебске могли принимать участие мастера из Греции, в Галичской земле работали зодчие и резчики из Польши и Венгрии, возможно и из Германии.

В иконописи и храмовых росписях рассматриваемого периода, более полно и непосредственно отражавших идейные установки и эстетические предпочтения заказчиков, повсеместно и весьма отчетливо выражена ориентация на тот рафинированный, но отвлеченный и суховатый дидактический стиль, основанный на орнаментальной стилизации пластической формы, который в это время культивировался в искусстве Константинополя. Оттуда он распространился на большие территории византийского мира, в том числе и на Русь. Об этом с полной определенностью свидетельствуют памятники живописи, сохранившиеся на территории Киева, Новгорода, Полоцка,

Переславля-Залесского, Пскова, Ладоги. Имеются свидетельства о том, что для выполнения ответственных работ князя и епископы приглашали греческих мастеров. Но и в тех случаях, когда исполнителями заказов оказывались местные мастера, они старательно подражали греческим образцам. Так, в частности, работали мастера, расписывавшие в 1144 г. по заказу архиепископа Нифонта паперти Софийского собора в Новгороде. Они подражали и стилистике, и техническим приемам живописи греческих мастеров, несколькими годами ранее по заказу того же Нифонта создавших ансамбль фресок собора Мирожского монастыря в Пскове. Сравнение русских и греческих памятников показывает синхронность развития стиля в Византии и на Руси и полную идентичность направлений, существовавших в его границах. Рассматривая, например, фрески «крещальни» Софийского собора в Киеве, созданные в 1130-х гг., почти невозможно с определенностью сказать, кем они были исполнены – греческими или русскими мастерами.

Знание греческого языка, точное, а по сути, еще почти ученическое следование византийским образцам, понимание богословских тонкостей иконографии на протяжении по крайней мере доброй половины столетия являлись признаком не просто интеллектуальной, но элитарной культуры. Митрополит Климент Смолятич в «Послании пресвитеру Фоме» свидетельствовал о знании греческого языка его клириками так: «Есть у меня мужи, я сам тому свидетель, каждый из которых может сказать альфу, не лу, на сто, или двести, или триста, или четыреста раз. И виту (т. е. «бету») – так же» [22]. Речь здесь идет об особом упражнении в сочинении текстов, содержащих слова, начинающиеся на одну и ту же букву, и о людях, демонстрирующих свою способность это делать последовательно на каждой из 24 букв греческого алфавита. Не исключено, что в середине XII в. греческий язык все еще употреблялся в богослужении даже в отдаленных от Киева центрах. В этом отношении примечательно сообщение Ипатьевской летописи, по форме напоминающее ремарку или заметку на полях, об осаде войсками киевского князя Всеволода Ольговича в 1146 г. Звенигорода в Галичской земле. Ее автор указал, что, после того как опасность от города отступила, в храме «возваша коури иелисон (что в переводе с греческого значит: «Господи, помилуй»), с радостью великою хваляще Бога и пречистую Его Матерь» [23].

Стилистику произведений литературы и искусства определяли задачи сугубо дидактические, связанные с выработкой принципов и правил толкования и раскрытия глубинного смысла как предметов возвышен-

[21] См. его характеристику в ст.: *Комеч*, 1981. Р. 295–300.

[22] БЛДР. Т. 1. 1997. С. 135.

[23] ПСРЛ. Т. 2. 1998. Стб. 320.

ных, так и низменных. Как заметил в упомянутом выше «Послании» Климент Смолятич, «подобает до тонкости испытывать («пытати по тонку») смысл Божественных Писаний», стараясь понять заключенное в них тайное значение [24]. В противном случае, считал он, не было бы смысла читать книги Ветхого Завета: «Что мне, брат, — пишет Климент, — до Иакова и двух жен его, Лии и Рахили, если о них просто читать, а не доискиваться духовного смысла!», и продолжает: «Но стремлюсь я понять о них иносказательно... Лия — прообраз израильского народа, потому и была она больна глазами, что имел израильский народ покров на сердце; и Рахиль — прообраз языческого народа., [который] преуспел в добродетели веры и, уверовав в Спасителя, с корнем исторг дьявольскую лесь (т. е. соблазн. — Л.Л.)» [25]. Далее он предлагает своему адресату множество примеров символического толкования библейских образов — персонажей, предметов и событий. Такой способ изъяснения текстов был, конечно, возможен только применительно к определенной и достаточно узкой культурной среде, главным образом собственно церковной, использующей свой особый толковый словарь понятий.

Базой такого рода схоластических толкований являлись произведения письменности, как оригинальные греческие, так и переводные. В их число входило многочисленных «Толкования» и «Беседы» на книги Ветхого и Нового Заветов — Феофилакта Болгарского, Исихия Иерусалимского, Феодорита Киррского, Ипполита Римского и других авторитетных авторов, — большая часть из которых была составлена в форме вопросов и ответов [26]. На стиль мышления и речи оказывали влияние и подборки текстов из сочинений античных писателей и философов, наиболее популярных в Средние века, входившие в сборники типа «Пчелы» [27].

Хотя ссылки на античных авторов, считавшихся язычниками, не одобрялись Церковью, апелляции к ним все же время от времени встречаются, о чем свидетельствует, в частности, упоминавшееся «Послание» Климента Смолятича. Отвечая пресвитеру Фоме на упрек в том, что он в своих писаниях упоминает имена язычников — Гомера, Аристотеля и Платона, Климент указывает, что цитировал он их в письме, обращенном к князю, а не к священнику Фоме: «...аще и писах, но не к тебе, но ко князю» [28]. Данный пример, как отметил Б.А. Успенский, наглядно демонстрирует изменение «речевого поведения», стилистики и лексики текста, его применения в зависимости от характера ситуации, в том числе при общении с представителями разных социальных слоев [29].

В «Послании» есть и другой пример стилистического различения образов, соответствующего жанру повествования и смысловому контексту. Климент проводит параллель между грифоном из «Александрова въздухохождения», вознесшим царя к небу (речь идет об эпизоде из средневекового романа об Александре Македонском), и ангелом, перенесшим пророка Аввакума в «халдейскую яму», чтобы накормить другого пророка (Даниила) [30]. Он, конечно, имел в виду, что если образ грифона приличен для описания мифологического эпизода с античным героем, то образу пророка, относящемуся к Священному Писанию, может соответствовать только ангел. Данный принцип тонкого стилистического различения природы и характера функционирования самих образов хотя и не столь отчетливо, но еще долго сохраняется в литературе и в изобразительном искусстве [31].

В изобразительном искусстве принцип подобного стилистического различения множества деталей, каждая из которых обладает своим неповторимым смыслом, вел к формированию особого условного языка. Наряду с усложнением иконографии и умножением числа сугубо дидактических деталей, заметно усиливается тенденция к уплощению и стилизации пластической формы, преобразованию ее в абстрактно-орнаментальные мотивы. Такая тенденция прослеживается уже в памятниках первой трети столетия, вроде росписи собора Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря (125 г.), фресок Георгиевского собора Юрьева монастыря (около 130 г.), иконы «Благовещение Устюжское» (ГТГ), в композиции которой заметно активизируется роль ритмических повторов одного и того же мотива.

Усложнение форм и ситуаций жизни общества, а также правил поведения, диктуемых требованиями этикета, уставами монастырей, условиями, предъявляемыми заказчиками зодчим и художникам, прочими обстоятельствами, оказывает, что было естественным, самое непосредственное влияние на характер произведений архитектуры и живописи. Одной из важных особенностей искусства рассматриваемого периода является принцип вычленения, выделения смыслового и структурного ядра композиции — главного героя в живописи, а в архитектуре — центрального пространственного ядра объемно-плановой композиции храма. Таким способом художники и зодчие стремились подчеркнуть незыблемость, неизменность их образной сути, на которую не оказывают воздействие ни изменения точки зрения, ни поток времени, ни преходящие события истории.

Стремление к сохранению и даже консервации идеала, наблюдаемое в искусстве первой половины — середины столетия,

[24] БЛДР. Т. 4. 1997. С. 121.

[25] Там же. С. 123.

[26] Словарь книжников и книжности. 1987. С. 71.

[27] Там же. С. 382–387.

[28] Послания Климента Смолятича. 1997. С. 118.

[29] Он приводит это место из «Послания» Климента как яркий пример диглоссии, существовавшей в XII в. в древнерусском языке (Успенский Б., 1994. С. 28–29).

[30] БЛДР. Т. 4. 1997. С. 141.

[31] Так, в ансамбле белокаменной резьбы фасадов Дмитриевского собора во Владимире, созданном в 1190-е гг., по сторонам от трона библейского царя Давида можно видеть и ангелов, и грифонов, а в расположенной неподалеку сцене вознесения на небо Александра Македонского — только грифонов.

15

во многом совпадало с главными политическими приоритетами эпохи, в том числе с идеей имперской власти как опоры Церкви в ее миссионерской деятельности и одновременно со стремлением сделать ее союзницей в осуществлении планов государственного устройства. В Византии это время правления императора Мануила Комнина, мечтавшего о восстановлении Римской империи в границах державы Юстиниана. Государства Западной Европы в эти же десятилетия были втянуты в подготовку и осуществление Второго крестового похода в Святую Землю. Жизнь практически во всех русских землях в 1130–1150-е гг. зависела от стремления правивших в них князей, остававшихся хозяевами своей «отчины», овладеть киевским столом.

Ориентация на Киев, на жизнь великокняжеского двора, строительную и художественную практику политической и духовной столицы Русской земли определяла как общую направленность художественной деятельности, так и характер каждого заказа в искусстве и архитектуре, переживавших пору становления и расцвета в городах-столицах княжеских уделов — Чернигове, Владимире-Волынском, Смоленске, Переяславле, Суздале, правители которых были главными претендентами на киевское княжение.

Смерть двух крупнейших деятелей эпохи — архиепископа Нифонта в 1156 г. и Юрия Долгорукого в 1157 г., каждый из которых по-своему стремился к сохранению Киева в качестве единого центра Руси, начало формирования в середине 1150-х гг. нового госу-

дарства — Владимиро-Суздальской Руси со столицей во Владимире-Залесском, ознаменовали ее конец. Бывшее могущество столицы единой Русской земли было навсегда подорвано после захвата и разграбления ее в 1169 г. войсками Андрея Боголюбского во главе с его сыном Мстиславом [32]. С наступлением новой эпохи упомянутые политические концепции и художественные идеалы утратили актуальность.

[32] ПСРЛ. Т. 2. 1998.
Стб. 543, 544.